ТАТЬЯНА
и
АННА
ПОЛЯКОВЫ

ДО СЛЕДУЮЩЕЙ СМЕРТИ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П54

Редактор серии *Л. Латышова*

Оформление серии *Е. Петровой*

Полякова, Анна.

П54 До следующей смерти : [роман] / Татьяна и Анна Поляковы. — Москва : Эксмо, 2027. — 320 с.

ISBN 978-5-04-253344-0

Древняя клятва связала Лену с четырьмя спутниками — Джокером, Воином, Поэтом и Тузом пик. Из века в век они встречаются снова, словно у судьбы для них одна бесконечная партия. Но после смертельной ловушки в гроте союз трещит по швам. Один из пятерых совершил предательство, пытаясь спасти остальных. Простить такое почти невозможно. Вот только древние узы не разорвать по собственной воле.

Личные счеты придется отложить. Череда загадочных смертей в элитном психологическом центре втягивает Лену в опасную историю, где чужие секреты стоят слишком дорого, а шантаж ведет к самым влиятельным семьям города. В поисках убийцы Лена и сама вынуждена играть не по правилам: скрывать правду от близких и разбираться, кому еще можно доверять.

Но ставки растут, и вести эту партию в одиночку уже не получится. Чтобы вычислить хладнокровного убийцу, пятерым придется снова объединиться. Даже если теперь каждый знает: удар может нанести тот, кого ты привык считать своим.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-253344-0

© Татьяна и Анна Поляковы, текст, 2027
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2027

Я часто мысленно возвращалась к тому разговору в дверях. Не потому, что хотела снова и снова переживать собственное потрясение — мазохизмом я, кажется, все-таки не страдала. Просто тогда я впервые в жизни стала хранительницей чужой тайны: не навязанной Максимильяном или призрачной, увиденной в странном сне, а самой настоящей, касавшейся не только моего друга, но, вероятно, и меня самой.

Он стоял передо мной, живой и до невозможности реальный, а я не могла поверить своим глазам, пытаясь уцепиться за каждую деталь: свежевыбритое лицо, чуть влажные волосы, крепкую руку на дверном косяке, длинную тень, которую отбрасывал Вадим в свете лампы. Тело, кажется, начало реагировать раньше сознания: в коленях появилась легкая слабость, а для очередного вдоха понадобилось сделать над собой усилие.

Ни радости, ни облегчения я испытать в тот момент не могла. Вадим давно заставил меня поверить в свою кончину, попрощаться даже со слабой надеждой на то, что он мог выжить.

Я почувствовала, как меня охватывает ярость, но не могла произнести ни звука. Руки дрогнули — то

ли от желания ударить его со всей силы, то ли заключить в самые крепкие объятия.

Уже после того как он втянул меня в квартиру, я услышала:

— Не смотри так, милая. Я, конечно, хорош, но не до такой же степени.

Все-таки первый порыв был верным, рука непроизвольно сжалась в кулак, который я уже готова была занести, но вместо этого, почувствовав, как силы покидают меня, произнесла еле слышно:

— Я тебя похоронила...

Ироничная улыбка тут же исчезла с его лица, словно ее и вовсе не было. Вадим смотрел на меня уже совсем иначе — устало, виновато и как-то непривычно серьезно, отчего стало только хуже.

Я сделала шаг назад. Еще немного — и можно будет развернуться, сбежать по лестнице, хлопнуть дверью подъезда и убедить себя, что все это мне привиделось. В моей жизни, надо признать, бывало и не такое.

— Лена, пожалуйста, — сказал он тихо. — Не уходи. Не сейчас.

Разумеется, тогда я осталась — и с тех самых пор жалела об этом настолько же сильно, насколько была благодарна самой себе за то, что не ушла.

С того дня прошло долгих шестнадцать дней, в течение которых Вадим был жив только для меня и Майи, да той части мироздания, которой это было вовсе не интересно: вроде кассирши из ближайшего магазина или водителя такси.

Поначалу мне казалось, что этот срок — ничтожный. Что такое две с небольшим недели? Отпуск на море, какая-нибудь очередная модная диета, курс антибиотиков, если следовать назначению врача,

а не бросать таблетки на третий день, как обычно поступают люди, едва почувствовавшие хоть какое-то улучшение. Вот и мне сейчас будто выписали пилюли, только вряд ли в аптеке есть лекарства против мук совести.

Теперь каждый день мне приходилось смотреть в глаза тем, кто имеет полное право знать о Вадиме правду, и время вдруг приобрело совершенно ненормальные свойства. Оно тянулось, как густая карамель: вроде бы и не застыло намертво, но стало таким вязким и липким, что было абсолютно непонятно, когда уже оно обретет хоть какую-то форму.

За эти шестнадцать дней я в совершенстве овладела искусством недоговаривать. Не врать — с этим словом я пока внутренне не готова была смириться. Недоговаривать казалось мне хоть сколько-нибудь извинительным, ведь ложь я терпеть не могла, что делало мое положение еще более постыдным.

Димка писал чаще обычного: сначала просто интересовался, жива ли я. Формулировка, надо признать, каждый раз вызывала у меня нервный смешок.

«Ты вообще где?» — спрашивал он.

«На месте», — отвечала я.

Это даже не было ложью, ведь я действительно находилась на месте. Вопрос только в том, на каком именно: в кухне Варьки, где по-прежнему стояла наготове скрипучая раскладушка, в доме Максимильяна с его бесчисленными комнатами или в той самой точке, в которой человеку предстоит самому решить, где его место: на стороне потерпевших или соучастников.

Через пару дней Поэт сменил тактику и начал присылать ссылки на совершенно идиотские новости. Медведь на Камчатке проник в частный дом

и съел торт, а в Голландии утка помешала свадебной церемонии. Где-то в Америке мужчина двадцать лет притворялся собственной матерью, чтобы получать пенсию. Последняя новость показалась мне особенно тревожной: на фоне моей нынешней жизни она звучала почти буднично, разве что мой срок пока исчислялся всего лишь в днях.

Я отвечала смайликами, короткими фразами, иногда даже шутила. Димка, конечно, почувствовал фальшь, потому что однажды прямо поинтересовался:

«Что с тобой?»

На этот вопрос я не ответила вовсе.

Клим звонил редко, но каждый разговор с ним превращался для меня в небольшую пытку. Болтать с ним по телефону давалось даже тяжелее, чем видеться. При встрече можно было замечать детали: как он реагирует, как стоит, куда смотрит, даже злиться на его непроницаемое лицо и манеру красноречиво выражать свои мысли одним лишь взглядом.

В трубке же оставался только голос.

— Ты пропала, — услышала я на четвертый день.

Он не спросил, не упрекнул, просто коротко констатировал очевидный факт. Тем не менее я машинально вступила в спор:

— Никуда я не пропала.

— Правда?

В этом вопросе не было ни насмешки, ни подозрения, и это раздражало сильнее всего.

С подозрениями я бы справилась, у меня имелся богатый опыт общения с Максимильяном, мастером уклончивых ответов, кое-что я и сама успела в этой науке почерпнуть. Но Клим говорил так, словно заранее знал, что я солгу, чем причиню ему

боль, и будто специально оставлял мне возможность признаться.

— Правда, — ответила я, стараясь, чтобы это прозвучало как можно беззаботнее.

На том конце провода воцарилось молчание. В иной ситуации я бы не придала этому никакого значения, но сейчас это воспринималось как угроза.

— Очень содержательный разговор, — не выдержала я. — Пожалуй, запишу и отправлю Димке. Пусть сделает расшифровку, глядишь, найдется скрытый смысл.

— Он есть.

— В твоем молчании?

— В твоем.

Я действительно не была многословна, и на то имелась веская причина: мне было страшно сболтнуть лишнее или как-то иначе выдать себя, оттого тишина казалась спасительной. Однако прозорливость Клима вызвала раздражение, я хотела было выместить его на собеседнике, но была обезоружена еще до того, как успела открыть рот:

— Береги себя.

Клим отключился, а я еще с минуту смотрела на погасший экран, ощущая себя последней дрянью. Не то чтобы это было новое для меня чувство, но прежде оно хотя бы возникало по понятным причинам: съела чужой десерт, нахамила хорошему человеку, сделала неправильный выбор в пользу Димки, когда следовало выбрать вовсе не его. Теперь же я чувствовала вину за то, что скрывала живого Вадима от людей, которые его любили. Странная, надо сказать, разновидность заботы.

Максимильян, в отличие от остальных, почти не звонил, он прислал одно короткое сообщение в своей обычной манере: «Буду рад видеть тебя в чет-

верг. Ужин в семь». Никаких вопросов вроде «как ты?» или «куда исчезла?», ни единого намека на то, что он заметил мое новое пристрастие — скрывать воскресших друзей от их ближайшего окружения. Именно поэтому после его сообщения мне стало особенно не по себе.

Я перечитала его раз пять, не меньше, силясь понять, скрывается ли что-то неуловимое за его словами. Возможно, он уже давно знает о том, что Вадим в городе, и терпеливо наблюдает, как я зарываюсь все глубже в своем вранье.

Старательно отгоняя от себя эти мысли, я пыталась убедить себя, что это просто ужин или, что тоже вероятно, встреча с целью обсудить заказ от нового клиента, который мог появиться в доме Бергмана за время моего отсутствия.

В четверг я, разумеется, пошла. Не только потому, что, сославшись на болезнь или чрезвычайную занятость, я навлекла бы на себя лишние подозрения, но и потому, что отказы Максимильян не принимал.

У дома с чертями я была без пяти семь. Снег за последние несколько дней почти растаял, превратив городские дороги в неприятную серую кашу, которую методично месили ботинки прохожих и колеса машин. Готические башни дома Бергмана на фоне темного неба, затянутого серыми облаками, выглядели сейчас особенно уместно, словно архитектор при проектировании заранее знал: здесь будут обитать люди с сомнительной биографией, дурными предчувствиями и склонностью умирать не по одному разу.

Дверь мне открыла Лионелла Викторовна, домоправительница Бергмана, женщина острая на язык и при этом настолько немногословная, что каждая ее реплика неизменно оставляла глубокий след или

как минимум повод крепко задуматься. Она толком даже не посмотрела на меня, и все равно я почувствовала, что эта старушенция видит меня насквозь.

— Елена, если вы снова явитесь в мокрой обуви, я буду вынуждена принять меры.

Я не стала уточнять какие, коротко поздоровалась и переобулась в предложенные домашние туфли, после чего направилась в столовую.

Там уже сидел Димка. Дмитрий Соколов, он же Поэт, мой бывший мужчина, а ныне близкий друг. Оказывается, такие превращения случаются. У нас они не прошли без жертв, но мы оба делали вид, что справились.

Сегодня вопреки обыкновению он даже был причесан, и я тут же заподозрила, что к этому приложила руку Лионелла, не терпящая беспорядка даже на чужой голове. Увидев меня, он поднялся и раскинул руки.

— Живая!

Я замерла в полушаге от него. Поэт, конечно, просто сказал это вместо приветствия, дурацкая шутка, не более, от человека, который не знает, что его мертвый друг оказался жив.

— Относительно, — ответила я и позволила себя обнять.

Объятия Димки всегда были теплыми, немного неуклюжими и совершенно безопасными. Именно поэтому сегодня в них было почти невозможно находиться. Он прижимал меня к себе, а я думала: «Когда же это кончится?» Не приветствие, а обстоятельства, в которых мне приходится играть роль. Впрочем, кажется, после моей первой встречи с завсегдатаями дома с чертями я только этим и занимаюсь.

— Похудела, — сообщил он, отстранившись.

— Лучший комплимент от мужчины, — выдавила я улыбку.

— Скорее тревожное наблюдение.

— Тогда можешь забрать его обратно.

— Ты правда неважно выглядишь, — обеспокоенно произнес Димка.

— А ты непривычно хорошо.

К счастью, в этот момент в комнате появился Клим, и наша с Поэтом перепалка повисла в воздухе. Я смотрела на гостя, он — на меня, и мои губы чуть сами не разомкнулись, чтобы выпалить: «Он жив!»

Танатос Гунар Станиславович, владелец похоронного бизнеса и человек, которого в другой жизни я, кажется, любила так сильно, что в этой до сих пор не могла решить, стоит ли держаться от него подальше или наконец перестать противостоять порывам.

— Добрый вечер, — произнес Клим, а я облегченно выдохнула.

Непонятно, сколько доброты сулил нам сегодняшний ужин, но я готова была сделать все от меня зависящее, чтобы как минимум ничего не испортить, а как максимум — постараться отвлечься от мыслей о Вадиме и его воскрешении.

— Все в сборе, вот и чудесно, — раздался от двери знакомый голос.

На пороге стоял Максимильян Бергман, хозяин дома, выглядел он, как всегда, безупречно, а еще он был спокоен и настолько красив, что мне захотелось запустить в него чем-нибудь тяжелым. Например, правдой. Жаль, она в тот момент была слишком громоздкой и могла придавить не только его.

— И вам не хворать, Максимильян Эдмундович, — оживился Димка.

— Я бы попросил без официоза, если ты не используешь его как средство самообороны, разумеется.

— Значит, работает, — буркнула я.

Димка усмехнулся, Клим по-прежнему молча меня рассматривал, а Максимильян неторопливо прошел к своему месту во главе стола. От его спокойствия мне стало по-настоящему не по себе.

Лионелла Викторовна появилась с супницей. Димка в это время увлеченно рассказывал нам о новом способе взлома какой-то базы, из его объяснений я поняла только то, что он невероятно собой горд. Клим ел молча. Максимильян изредка задавал уточняющие вопросы, от которых Поэт расправлял плечи, а я делала вид, что слушаю, хотя на самом деле была занята размышлениями.

Раньше мне казалось, что скрывать правду — занятие для людей с крепкими нервами и дурным характером, а теперь выяснилось, что достаточно оказаться в безвыходном положении, убедить себя, что это ненадолго, и вот я уже на месте тех, кого осуждала.

— Лена, — вдруг сказал Димка.

Я едва не выронила из рук ложку.

— Ты вообще слушаешь?

— Конечно.

Он многозначительно смотрел на меня.

— Ты вещаешь о преступлениях против человечества, совершенных при помощи компьютера.

— Почти, — просиял он.

Клим коротко усмехнулся, а Максимильян посмотрел на меня поверх бокала. Ничего особенного в этом взгляде не было, и именно поэтому захотелось немедленно признаться во всем: Вадим жив, я видела его, разговаривала с ним, он у Майи, и да,

я последние две недели вру вам всем прямо в лицо. Очень бодрящий опыт, рекомендую.

— Ты сегодня и правда какая-то рассеянная, — заметил Бергман. — Что-то случилось?

Я тут же живо принялась за еду, чтобы выиграть хоть какое-то время.

— Просто наслаждаюсь ужином, — ответила я, стараясь придать голосу непосредственности. — Давно не собирались вместе.

— Вот уж точно, — подхватил Димка.

В эту секунду я была благодарна ему как никогда. Лионелла принялась менять тарелки, а я гадала: мы действительно встретились, чтобы чинно поужинать, либо у Максимильяна есть к нам дело или, что пугало значительно сильнее, — вопросы.

Но Бергман был молчалив, только вежливо поддерживал беседу, внимательно наблюдая за всеми нами. Разумеется, мне казалось, что я вызываю у него больше всего интереса. Впрочем, так было всегда, не только сейчас, когда я неожиданно для себя самой стала хранительницей тайны. Обычно это была прерогатива Максимильяна.

Я вспомнила, как тогда, в квартире Майи, я поймала себя на том, что жилище выглядит слишком просто для судьбоносной встречи. Странная мысль для такого случая, но тогда я готова была вцепиться в любую, лишь бы здравый смысл не покинул меня.

Светлые стены, книжный стеллаж, на котором учебники по психологии соседствовали с потрепанными детективами, плед на диване, чашка на журнальном столике.

— Садись, — предложил Вадим, и я послушно устроилась на стуле.

Из комнаты появилась Майя со стаканом воды в руках. Она протянула его мне молча, без дежурно-

го «вам надо успокоиться» и прочей чуши, которую люди обычно несут в подобных ситуациях исключительно от собственной растерянности. Я стакан взяла, но пить не стала.

— Ты знала? — спросила я.

Вопрос прозвучал глупо. Конечно, знала. Вадим не материализовался у нее в прихожей за минуту до моего прихода исключительно ради театрального эффекта. Хотя, зная нашу компанию, я не стала бы полностью исключать и такой вариант.

Майя кивнула.

— Давно?

Она посмотрела на Вадима. Тот едва заметно поморщился.

— Достаточно, чтобы я чувствовал себя последней сволочью, — ответил он вместо нее.

Майя сделала шаг назад, будто решив, что сейчас нам лучше обойтись без третьих лиц. Впрочем, из комнаты не ушла и правильно сделала. Оставаться с Вадимом наедине мне в тот момент казалось опасным. Не для меня — для него.

— Лена, — начал он.

— Нет. Сначала я.

Он молча кивнул.

— Ты умер, — начала я. — Не по-настоящему, как выяснилось, но для меня погиб. Для Димки. Для Максимильяна. Даже для Клима, будь он неладен. Все мы приняли тот ужасающий факт, что тебя больше нет, потому что иначе можно было сойти с ума.

Голос у меня дрогнул на последнем слове, и это было обидно. Я собиралась говорить холодно, взвешенно и желательно так, чтобы вынудить его раскаяться немедленно и на всю оставшуюся жизнь. Вместо этого из меня рвалась обида, досада и злость.

Вадим стоял передо мной, опустив руки, даже не пытаясь подойти ближе.

— Я знаю.

— Нет, не знаешь. Если бы знал, пришел бы раньше.

— Не мог.

— Ноги отказали?

— Голова.

Я замолчала. Не потому, что ответ меня удовлетворил, а потому, что в нем вдруг не оказалось ни капли привычной бравады Воина.

Он прошел к дивану, сел на край, сцепил пальцы. На журнальном столике перед ним стояла чашка с остывшим чаем. Судя по темному ободку на фарфоре, напиток наливали давно.

— Я помню грот, — сказал он наконец. — Холодную воду. Помню, как ты кричала. Помню, что должен был вытащить тебя. Это самое ясное.

— Благодарю за благородство. А до этого?

Он поднял на меня глаза.

— До этого я хотел их убить.

Майя за моей спиной чуть слышно втянула воздух.

— Кого именно? — спросила я, хотя ответ знала.

— Всех: Джокера, Димку, Клима.

— Удобно. Всех мужчин, кроме себя.

— Себя тоже, — сказал он.

Я осеклась.

Он потер ладонями свежевыбритое лицо. Господи, до чего же меня злило, что он живой. И до чего же страшно было представить, что могло оказаться иначе.

— Понимаешь, самое паршивое в том, что я не могу сказать: это был не я.

— Почему ты сделал это?

— Потому что был уверен: так надо.

— Кому надо?

— Всем.

Я хмыкнула, хотя смешного во всем этом не было ровным счетом ничего.

— Сильное заявление. Особенно от человека, который решил не советоваться с этими самыми всеми.

— Я не думал, что мне нужно советоваться.

— Разумеется. У нас это вообще любимая коллективная традиция: кто-нибудь один решает, что ему открылась великая истина, а остальные потом разгребают последствия.

Вадим не ответил, и это было хуже любой защиты с его стороны.

— Ты считаешь их врагами? — спросила я уже тише.

— В тот момент — да, считал.

— А меня? — спросила я.

Вадим прикрыл глаза.

— Разумеется, нет.

— Потрясающе. Надо будет передать Максимильяну, может быть, он оценит ход твоих мыслей, я пока не могу.

При имени Бергмана Вадим едва заметно напрягся.

— Не надо.

— Что именно? Передавать? Или произносить его имя?

— Все.

Я поставила стакан на стол так резко, что вода выплеснулась мне на пальцы.

— Тогда объясни нормально, без этих твоих пространных «так надо». Надо кому? Тебе? Судьбе? Джокеру? Нашей чертовой клятве? Или ты просто